

СЕРГЕЙ РАСПУТИН

ЗАМЫСЕЛ ИЛИ УМЫСЕЛ?

(о книге А. Г. Румянцева “*Валентин Распутин*”)

Текст книги Андрея Григорьевича Румянцева “Валентин Распутин” в серии “ЖЗЛ” попал ко мне случайно. Ни автор, ни издательство не горели желанием знакомить с ним ни меня, ни моих близких родственников, хотя бы для того, чтобы попытаться избежать каких-то неточностей и ошибок. Февраль уже близился к концу, и в “Молодой гвардии” готовились отдать текст в вёрстку – спешили успеть к годовщине смерти моего отца. Для меня до сих пор остаётся загадкой: как рукопись в таком сыром виде могла находиться буквально в двух шагах от печатного станка? Почему издательство смотрело сквозь пальцы на все её недостатки? И если бы не наше незапланированное вмешательство, она была бы опубликована гораздо раньше и в ещё более далёком от совершенства состоянии. Мы со своей стороны внесли множество поправок, однако большая их часть была оставлена без внимания. Ну что ж, Андрей Григорьевич как автор имел на то полное право, и надо отдать ему должное, что он всё-таки согласился кое-что убрать, а кое-что, наоборот, добавить.

Всё это время я надеялся, что найдётся в литературном сообществе профессионал, который оценит книгу по достоинству, но прошёл уже год с момента её выхода в свет, а никакого откровенного, без лишней вежливости, отзыва так и не появилось. И я решил дать свою оценку этой работе. Для краткости и удобства я буду называть А. Г. Румянцева автором, а моего отца В. Г. Распутина – писателем.

На мой взгляд, книга слабая и поверхностная. Это не кропотливый труд-исследование творчества В. Г. Распутина, и не книга-размышление о его жизни. По сути, это лоскутное одеяло, сшитое из разных кусочков, или, говоря научным языком, компиляция. 65% всего текста, то есть добрые две трети, занимают слова писателя – цитаты из его произведений, выступления и писем, а также мысли и воспоминания о нём других людей. Это точные цифры, взятые мною не с потолка, а рассчитанные с помощью линейки.

Встречаются главки, и их немало, вообще практически целиком состоящие из цитат. Например, главка “Деревня не даст тебе пропасть” с неоправданно длинной цитатой из “Уроков французского”, занимающей три страницы, в то время как слова автора скромно умещаются в девять (!) строчек. Или другая главка – “Навыки журналистские и семейные”, – где автор зачем-то приводит целиком рассказ “Мама куда-то ушла”. Обратите также внимание на главу 10 – о “Прощании с Матёрой”. В первой главке кое-где ещё попадаются среди цитат слова автора, но прочитайте вторую главку “Удержать в себе человека” длиной в 3,5 страницы: автор написал две строчки в начале и 16 строк в середине главы. Всё остальное – цитаты из повести. И в следующей главке “Мы – не последние!” из пяти с половиной страниц пять – это

слова писателя. Или прочитайте главку “На фоне двух литератур”: вся (!) главка длиной в 4,5 страницы – беседа писателя с молодым литературоведом Ксенией Зиминной. А следующая главка “Сеющие бурю” тоже почти вся состоит из беседы писателя с Виктором Кожемяко. И так далее.

У читателя, как мне кажется, должно возникнуть ощущение, что его обманули: хотел прочитать о Распутине, а читаешь Распутина.

А сколько главок цитатами заканчиваются! Автор даже не утруждает себя тем, чтобы завершить их своими словами, выразить какую-то свою мысль, подвести итог. Некоторые цитаты приводятся неуместно, а в словах автора порой отсутствует элементарная логика.

Возьмём для примера последний абзац в главке “Обомлел от вошедшей в меня красоты” – о детстве писателя. Привожу его полностью:

“А великое множество историй, услышанных в вечерней полутёмной избе с ватагой таких же деревенских стригунков, расположившихся на тёплом полу у вихрастого дружка! Тут запомнились даже не сами необыкновенные, фантастические происшествия, сочинённые бойким рассказчиком, а его таинственный тон, ужимки и придыхания, свистящий или задыхающийся шёпот, словно это его самого кикиморы душили или бросали оземь с высоты”.

Он сочинён автором, но не имеет ничего общего ни по смыслу, ни по тональности с предыдущими цитатами писателя, из которых на 70% состоит эта главка и которые задают ей тон и определяют содержание. Очевидно, автор в спешке или по небрежности приклеил сюда этот абзац. По содержанию он больше подходит к следующей главке “Где живёт кикимора”. Но и в ней он оказался бы лишним, потому что там абсолютно о том же самом, только другими словами, говорит сам писатель:

“В одной избе песня, а в другой, где собиралась ребятня, сказка да “ужасти”, которые напрашивались сами собой под древнюю ворожбу каминного огня. Чего только не придумывалось, чего не рассказывалось то затаёнными, то гробовыми голосами, до чего только не доходило разыгравшееся воображение! Не будь этого живого сопровождения огня, то завывающего, то стонущего, то ухающего, да разве мог быть у историй, рассказанных не Петькой или Васькой, а их оборотнями, и непременно выдаваемых за “правдашние”, такой жуткий накал, такая непереносимая страсть!”

В главке “Где живёт кикимора” сразу обращает на себя внимание второе предложение: “В ранних проблесках памяти у Вали могли остаться только свалившиеся беды: частое недоедание, вялые игры с ровесниками, одетыми, как и он, в драные, латаные обноски”. Нелогично. Простите, как можно назвать “свалившимися бедами” частое недоедание или вялые игры с ровесниками? Да и как может быть вялой детская игра?! А “драные, латаные обноски”, в которые одеты дети, совсем не предполагают, что игра будет вялой. И наконец, почему писателю могли запомниться *только* беды? И глагол “могли” тоже настаораживает. То есть могли запомниться, а могли и нет? Не лучше ли обратиться к творчеству Распутина вместо того, чтобы гадать на кофейной гуще?

На самом деле, совсем не “свалившиеся” невесть откуда беды остались в “ранних проблесках памяти” писателя. Помните, как он сам пишет в очерке “Откуда есть-пошли мои книги”: “Первые мои впечатления связаны с Ангарой”? А если бы автор нашёл время и задал соответствующие вопросы близким писателя, он бы узнал, с каким энтузиазмом и теплом вспоминал Распутин о своём детстве: как он ходил на охоту с дедом, как бегал в тайгу за грибами и ягодами, как рыбачил со своим дядей. Светлые воспоминания о том времени нашли своё отражение в предисловии к сборнику рассказов “Видение” под названием “В тех глубинах по ходу жизни”. А вот как выглядел в рукописи мой рассказ о летних поездках с отцом в Аталанку (курсивом выделены слова, которые я – хоть убей – не произносил): “Мне было пять лет... Это, конечно, мало, чтобы запомнить тот приезд. Но позже мы с отцом почти каждое лето ездили в деревню. *Дедушка был молчаливым. Папа в этом походил на него. Он уединялся, писал. Летом шестьдесят шестого, наверно, повесть “Деньги для Марии”. А дедушка с бабушкой занимались хозяйством. Для меня необычным событием, почти праздником, бывал выход на покос. Несколько километров мы шли по тайге. И не одни. Ведь вся деревня косила. Каждый на своей полосе разбивал табор. Варили на костре обед. Дед сделал для меня маленькую литовку. И я косил вместе со всеми. Я долго не знал, что была старая Аталанка, а мы живём в новой. Новая казалась большой.*

Друзей у меня там было много. Бегали по посёлку, прятались в каких-то сараях. Заглядывали в лес — он темнел поблизости...”.

Какие сараи? Какой лес? И как я мог в возрасте пяти лет догадываться, что отец уединялся в баньке, чтобы писать “Деньги для Марии”?! Я вообще не помню, чтобы отец уединялся и писал; он приезжал, чтобы побыть с родителями, помочь им по хозяйству, отдохнуть в родной деревне.

Непонятно, почему автор решил прибавить кое-что от себя, и должен признаться, что мне стоило немало труда убедить его убрать лишние слова из текста. В конце концов, мне пришлось переписать весь абзац целиком. То же самое произошло и с другим моим рассказом — о выборе профессии, который был нужен автору для главки “Дети писателя: “Мы выбираем путь...”. Помню, как в тексте рукописи всё было красным-красно от моих поправок с требованиями удалить не принадлежавшие мне фразы.

К слову сказать, кроме этих двух случаев, автор не счёл нужным обратиться ни ко мне, ни к другим близким родственникам писателя. Исключением можно считать его встречу с моей тётёй, младшей сестрой отца, Агнией Григорьевной. А ведь кто, как не мы, могли дать автору ценную информацию для книги. Но самое шокирующее заключается в том, что автору были совершенно не интересны наши поправки. Он явно не ставил перед собой задачу докопаться до истины. Как я заметил, в целом ряде случаев он действовал следующим образом: сначала создавал в своём воображении благообразную картинку, к которой пытался затем притянуть факты. Если же тот или иной факт ей не соответствовал, автор или намеренно искажал его, или просто выбрасывал за ненадобностью и сочинял что-нибудь от себя.

Приведу два примера. Первый — довольно забавный. В главке “Колодец земли” ещё в рукописи я наткнулся на следующие слова:

“А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади — вклинившиеся в таёжные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей, Молчановская, и приютила домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес”.

Я сделал поправку: “В Молчановской пади был дом Глеба Пакулова, а наш дом стоял на ул. Вокзальная; в нём когда-то жил путевой обходчик, прямо рядом с железной дорогой”. Не думаю, что автор всерьёз полагал, что “домик Валентина Григорьевича приютила” именно Молчановская падь. Скорее всего, он просто когда-то слышал, что в порту Байкал есть такая падь, и ему позарез захотелось провести линию от неё к девичьей фамилии жены писателя. А уточнить, где именно находится сам домик, было рискованно: вдруг окажется, что не там. Но автора моя поправка не смутила. Посмотрите, как изменился текст после моего, повторюсь, незапланированного вмешательства:

“А вокруг затихшего порта Байкал гористый берег украшают многочисленные пади — вклинившиеся в таёжные косогоры узкие низины с заповедными травами, ягодными полянками, богатыми грибницами. Одна из этих падей — Молчановская. Не очень далеко от неё и стоял домик Валентина Григорьевича. Судьба словно бы осветила этот байкальский уголок девичьей фамилией жены: поэзия жизни, природы и творчества получила единый адрес”.

Я опять пишу: “Не так уж и недалеко: километра четыре топать от нашего дома”. Но автор мою ремарку оставил уже без внимания. Мне кажется, что, если бы даже выяснилось, что Молчановской пади нет и никогда не было в порту Байкал, автор всё равно как-нибудь бы вывернулся, но не расстался бы со своей лирической находкой.

Давайте теперь разберём подробно второй пример. Это крошечная, всего-то на две странички, но откровенно сырая, непродуманная главка, где, как нарочно, собраны такие серьёзные недостатки, как отсутствие логики, притягивание фактов за уши и небрежность в использовании цитат.

Главка называется “В имени слышится: Русь...” и посвящена моей сестре, точнее, её детским годам. Само это название уже режет мне слух. Никогда нам, Марусиным родным, не слышалось в её имени слово Русь. Я бы скорее поверил автору, если бы ему в имени Жанна д’Арк послышалось слово Франция. Но давайте посмотрим, что автор имел в виду.

Прочитаем внимательно первый абзац: “В мае 1971 года в семье Распутиных появилось пополнение: родилась дочка. Назвали её Машей, но с первых же

дней все родственники стали звать её по старой русской (а точнее – деревенской) традиции Марусей. Валентин был счастлив. *Ещё с рождения сына Серёжи вошло в правило, что отец ежедневно гуляет с ребёнком, читает ему сказки, а когда малыша снарядили в школу, папиной обязанностью стало посещение родительских собраний*. Обратите внимание, как после первых трёх предложений, посвящённых рождению дочери писателя, автор неожиданно перескакивает на сына (выделено курсивом), оставляя читателя в полном недоумении. Более того, автор ухитряется допустить в этом же предложении сразу две неточности. Скажу вам по секрету: а) не было такого правила в нашей семье, чтобы отец ежедневно гулял со мной или с моей сестрой; б) он довольно редко посещал родительские собрания в школе. И в этом нет ничего зазорного, но автору уж очень хочется немного приукрасить, и он с удивительной лёгкостью прибегает к преувеличению и вымыслу, стремясь выдать желаемое за действительное.

Продолжая старательно вырисовывать портрет писателя как примерного отца, автор приводит слова Марусиной школьной учительницы начальных классов Александры Ивановны Бушмагиной:

“Валентин Григорьевич был первым помощником во всех наших внеклассных начинаниях. То зайдёт в школу, то позвонит мне: “Какие у вас заботы, чем помочь?” Дарил классу книги. И не только свои, но и тех авторов, которых отличал, ценил. Ребята любили “классные часы”, которые он проводил. Мы выбирали тему беседы, а Валентин Григорьевич готовился к разговору. И всегда детям было интересно с ним. Он был в нашей школе своим человеком”.

У меня этот рассказ сразу вызвал подозрение. Во-первых, такая общительность совершенно не в характере отца, а во-вторых, детям в начальных классах вряд ли есть смысл дарить книги Распутина и “тех авторов, которых он отличал, ценил”. Я не поленился и встретился с Александрой Ивановной, которая до сих пор работает в школе №17. По её словам, Валентин Григорьевич пару раз приходил к ним на “классные часы”, но не более того. Про “первого помощника во всех внеклассных начинаниях” даже после моих специальных наводящих вопросов не было сказано ни слова.

Сразу к рассказу Александры Ивановны безо всякого перехода автор приклеивает другую цитату, теперь уже из воспоминаний моей тётки (маминой младшей сестры) Евгении Ивановны о жизни нашей семьи на даче в порту Байкал. Непонятно, что заставило автора пойти на такой неожиданный и совершенно нелогичный шаг. Возможно, ему эта главка на полторы страницы показалась слишком короткой, и, чтобы увеличить её, он решил, как говорится, “до кучи” добавить ещё пару абзацев. Мне кажется, что автор их не читал. Во всяком случае, речь в данном отрывке идёт совсем не о моей сестре и тем более не о том, каким внимательным, чутким и заботливым был Валентин Григорьевич по отношению к своим детям и их одноклассникам.

Этой цитатой и заканчивает автор главку “В имени слышится: Русь...”, точнее, резко обрывает на полуслове, так и не раскрыв читателю смысл её пафосного названия.

Позвольте мне остановиться ещё на одном символическом примере, показывающем, как автор в своей книге относится к фактам, насколько для него важна та или иная информация и чем он руководствуется при жизнеописании своего героя. Речь идёт о Б. Дмитриеве. Фотограф не раз упоминается в книге А. Г. Румянцева и даже делится своими воспоминаниями о писателе. Когда читаешь их, возникает ощущение, будто Б. Дмитриев был с писателем в дружеских отношениях. Да, действительно, был – до одного случая, после которого их общение полностью оборвалось. Подробно об этом написала в статье “Все беды – от наших заблуждений” В. А. Семёнова. Суть его в следующем.

Писатель получил премию правительства РФ за книгу “Сибирь, Сибирь...” 2006 года издания. Автор фотоиллюстраций Б. Дмитриев награждён не был. Он направил протестное письмо в правительство, где предупредил, что, если его права как соавтора книги не будут удовлетворены, он подаст в суд. Затем он позвонил писателю и сообщил ему эту новость. Как мне известно, отец сначала оторопел от такой наглости, однако принял решение отдать фотографу половину премии (500 000 руб.), несмотря на очевидную нелепость его претензий. “Шаг для Валентина Григорьевича настолько естественный, что никто не удивился”, – пишет Валентина Андреевна. Я почти уверен, что Дмитриев, зная отца, на это и рассчитывал, когда звонил ему.

Очевидно, он отдавал себе отчёт, что в суде шансов у него нет никаких. Отец же, идя на такой “естественный” шаг, стремился как можно скорее закрыть тему и избавить себя от общения с человеком, который вызывал у него теперь только чувство брезгливости.

С другой стороны, предлагая фотографу половину премии, писатель, возможно, пытался дать ему последний шанс. Он как бы искушал его кругленькой суммой и ставил перед выбором: взять чужие деньги, на которые при любом раскладе у того не было никаких прав, и окончательно потерять лицо, или хотя бы попытаться остаться, — конечно, с большим натягом — порядочным человеком, натянув на себя маску “борца за справедливость”, ищущего “правду” в суде. Дмитриев деньги взял, не моргнув и глазом, и навсегда исчез из жизни писателя. Многие иркутские литераторы расценили тогда его поступок как вымогательство.

Но речь не о Дмитриеве. Речь о книге, которую мы обсуждаем. Прочитав рукопись, я предложил автору раскрыть всю правду. Сказал “А”, упомянув фотографа в своей книге, так скажи и “Б”. Но автор предпочёл этот злополучный инцидент замолчать, сделав вид, будто ничего не произошло. А зря. Мне кажется, что подобные истории из жизни героя в сто раз интереснее и ценнее, чем целые отрывки из его произведений, которыми так бесцеремонно злоупотребляет автор. Потому что не только работа и творчество, но и поведение человека в непростых ситуациях характеризует его как личность.

И ещё: есть что-то лицемерное в этих дружеских воспоминаниях фотографа о писателе без правдивого рассказа о том, как полмиллиона рублей, принадлежавшие писателю, чудесным образом оказались в кармане его “друга”.

Все вышесказанное наводит меня на мысль о том, что труд о замечательном человеке должен создавать настоящий исследователь, вдумчивый, ответственный перед читателем и требовательный к своему творчеству. Он, как учёный, должен проявлять уважение к фактам и спокойно, не торопясь, дотошно и кропотливо собирать их из самых разных источников, не забывая проверять на достоверность. Затем ему предстоит проанализировать и осмыслить всю информацию, “переварить” её, пропустив через себя, выдвинуть предположения, поделиться своими размышлениями. В серьёзном исследовании такого рода его автор обычно старается избегать однозначных выводов. В конечном счёте, перед ним стоит невероятно сложная задача: постичь внутренний мир своего героя, чтобы честно и достоверно поведать о нём современникам и потомкам.

Автор же книги “Валентин Распутин” выбирает иной путь, не требующий значительных творческих сил. Он решает по максимуму упростить себе работу и берёт за основу чужие тексты и чужие мысли. Он предпочитает предоставлять слово другим, а сам склонен оставаться в стороне. Даже описывая студенческую жизнь писателя, с которым он учился вместе в университете и даже прожил целый год в одной комнате в общежитии, автор охотно цитирует красноярца Владимира Зыкова, а своими воспоминаниями делится крайне скупно.

Наверное, поэтому книга напоминает мне больше реферат студента филфака, чем серьёзное исследование. Ведь как бы студент делал реферат, скажем, об известном писателе? 1. Расписал бы по пунктам биографию. 2. Распечатал бы библиографический справочник. 3. Продумал бы части, составляя библиографические и библиографические данные в хронологическом порядке. 4. Изучил бы литературную критику творчества объекта исследования, посмотрел бы, какие спектакли и фильмы были поставлены по его произведениям, нашёл бы пару неопубликованных писем и несколько воспоминаний о нём известных личностей. 5. Собрал бы всё это вместе, как конструктор, и — реферат готов. Даже больше, чем реферат, но до полноценной дипломной работы ещё далеко.

Упрощаю? В любом случае, такая аналогия напрашивается не случайно.

И возникает вопрос. Не лучше ли, если вас, например, интересует родословная писателя, познакомиться с нею в оригинале? Сотрудники Иркутского областного архива ещё при жизни Валентина Григорьевича провели исследование и выпустили любопытнейшую по содержанию книжечку. А если вы захотите узнать, что сказал Распутин о Пушкине, Толстом, Леонове, Свиридове, Шукшине, Вампилове, может быть, стоит прочитать полностью, без сокращений, его статьи и очерки об этих выдающихся личностях в книге

“В поисках берега”? А вместо главы 14 “Что в имени твоём, Сибирь?” просто взять само произведение “Сибирь, Сибирь...”? Вместо главы 16 “Смысл давнего прошлого” найти опубликованные в ежемесячной газете “Литературный Иркутск” замечательные эссе “Из глубин в глубины” – к 1000-летию Крещения Руси и “Ближний свет издалека” – о Сергии Радонежском? Вместо главок “Жупелы: один, два, три...”, “Зажги свечу – растает тьма” и “Жрецы “новой” культуры” купить книгу “Эти 20 убийственных лет. Беседы с Кожемяко”?

А сколько потрачено бумаги на главы, посвящённые повестям “Деньги для Марии”, “Последний срок”, “Вверх и вниз по течению”, “Живи и помни”, “Прощание с Матёрой”, “Пожар”! И зачем? Неужели достаточно для книги из такой серьёзной и уважаемой серии, какой является (или уже не является?) “ЖЗЛ”, проскакать *галопом по европам* – по основным произведениям писателя, надёргав оттуда бесчисленное количество цитат? Разве литературные критики не сказали своё слово об этих сочинениях? Или мы узнаем здесь что-то принципиально новое?

Не скрою: есть в книге места, которые вызвали у меня интерес, например, главки, посвящённые отношениям Астафьева и Распутина в 90-е годы, или интервью писателя журналисту “Литературной газеты” о том, как он создаёт свои повести и рассказы, или воспоминания о писателе современников, наших и зарубежных. Очень хорошо сказали о нём актёр Михаил Ульянов, прозаик Владимир Карпов, французский исследователь русской литературы Жорж Нива и другие. Любопытна история, упомянутая ещё в начале книги, как писатель ступил на творческую стезю случайно, оставшись без стипендии. Но и здесь центральное место занимают цитаты, а слова автора играют в основном лишь связующую роль. И стоит только собрать вместе и опубликовать все эти и другие, не упомянутые в книге, воспоминания, не говоря уж о полном собрании произведений писателя, включая его речи, статьи, письма и интервью, как ценность книги, и так не слишком высокая, упадёт ещё ниже.

Мне кажется, что немалая доля ответственности за качество этой работы лежит на издательстве. Ведь если бы в “МГ” не устраивали гонку, чтобы отдать книгу в печать к определённой дате, а главный редактор поставил бы перед автором вопрос ребром, обозначив чёткие требования к тексту, и дал ему для работы ещё хотя бы год, она, по крайней мере, имела бы хоть какой-то шанс получиться более добротной. И тогда выиграли бы все: и автор, и издательство, и читатель, ради которого, по большому счёту, и пишутся книги. Что же касается информационного повода, если он так был необходим, – чем хуже 80-летие писателя годовщины его смерти? По-моему, даже лучше.

Насколько я знаю, главный редактор “МГ” отдавал себе отчёт в том, что это произведение, даже при многочисленных исправлениях, априори не может получиться сильным. Но для него, скорее всего, главную роль сыграла скорость. Дело в том, что А. Г. Румянцев начал писать книгу о Распутине ещё при жизни писателя и к моменту его смерти уже имел, как я подозреваю, существенные наработки. Тем самым автор автоматически получил преимущество перед другими литераторами, которые почти наверняка подошли бы к этой работе более ответственно и выполнили бы её более профессионально и талантливо.

Остаётся лишь надеяться, что после знакомства с книгой “Валентин Распутин” благодаря многочисленным цитатам из произведений писателя у читателя возникнет желание ещё раз (а может быть, и впервые) прикоснуться к его творчеству. А это самое главное.